

Пролог

Веру мучила совесть... Вот уже двадцать минут она не находила себе места из-за своего недавнего поступка. Вернее, проступка: недостойного, жестокого... Вера ударила человека! По лицу! С силой и ненавистью! И так была ее ненависть велика, что сила удара увеличилась многократно. Выброс сжатого кулака, соприкосновение со скулой, и человек потерял равновесие, упал, ударившись затылком о батарею...

Вспомнив эту сцену, Вера поежилась. Ни разу ранее она не распускала рук. Даже пощечин обидевшим ее мужчинам не давала. А тут — кулаком!

Устав мучиться угрызениями совести, Вера решительно поставила фужер с вином на подоконник (все двадцать минут держала его в руке, а сделала всего пару глотков) и направилась на поиски того, кого ударила. Побродив по заполненному людьми помещению, она не отыскала того человека.

«Уехал домой? — предположила Вера. — Но тогда бы прошел мимо меня, я ведь все время стояла рядом с дверью. В туалете? Слишком много времени прошло. Все еще в том кабинете, где я... — Мысль оборвалась из-за очередного укола совести. И тут же возникла новая: — А вдруг ему стало плохо после моего хука? Человек пожилой, да и головой приложился прилично...»

Вера поспешила к кабинету.

Вошла. Огляделась. Сначала она никого не увидела, но когда глаза привыкли к полумраку, рассмотрела лежащего мужчину. Сердце екнуло от нехорошего предчувствия. «Наверное, правда с сердцем плохо стало, — мелькнула паническая мысль. — После моего удара он сразу поднялся на ноги и что-то закричал мне вслед, теперь лежит, не шевелится...»

Вера судорожно выдохнула и сделала несколько шагов вперед. В носу вдруг защипало. «Чем так отвратительно пахнет? Тяжело, липко... — пронеслось в ее мозгу. И вдогонку вопросу возник ответ: — Кровью!»

Трясущейся рукой Вера нащупала выключатель. Школьный класс, уставленный деревянными партами, осветился желтоватым светом. Стали видны надписи на столешницах, меловые разводы на доске, пыль под стеллажами, мелкий мусор в углах... А еще огромная кровавая лужа в одном из них. В том самом, где лежал человек, которого Вера ударила.

И человек этот был мертв!

Часть I

Знакомые незнакомцы

Глава 1

Наши дни

Вера никогда не бывала на встречах одноклассников. Более того — и не собиралась. Возможно, причина крылась в том, что она сменила школу перед тем, как перейти в восьмой класс, но сама Вера считала — дело в другом. Просто ей не хотелось снова видеть тех, с кем она бок о бок провела семь школьных лет. Зачем они ей нужны, эти чужие люди? Ладно бы они в детстве-юности близкими были, а то ведь и тогда представляли для нее мало интереса, да и сами ею тоже совсем не интересовались. Хотя, если быть совсем честной, было у нее в свое время два друга-одноклассника, но с тех пор столько воды утекло, что смешно теперь о былом товариществе вспоминать.

Когда Вера получила по электронной почте приглашение на юбилейный бал выпускников школы (оно пришло на официальный адрес ее фирмы), первое, что пришло ей в голову, было: не поеду. Ладно бы еще жила в том же городе, но ехать за пятьсот километров ради сомнительного удовольствия увидеть бывших соучеников и педагогов — дело зряшное. Мало того, что придется шофера своего напрягать (не тащиться же на

поезде), так еще и самой от дел отрываться... Да и школу она заканчивала другую.

Но потом Вера вдруг поймала себя на диаметрально противоположной мысли: «А может, все же скатать? С того момента, когда я в последний раз видела своих так называемых друзей, прошло почти десять лет. Интересно, что с ними за это время произошло? Как изменилась их жизнь?»

И Вера поехала. Бросила дела, напрягла шофера.

Город, откуда она была родом, не относился к числу мегаполисов. Он даже не попал в разряд крупных населенных пунктов. Всего лишь районный центр. А с другой стороны, какая-никакая столица района, так почему ж в ней нет приличной гостиницы? Вернее, раньше не было, но Вера надеялась, что за минувшее десятилетие она появилась. Ан нет! Магазинов понастроили, три бара открыли, две сауны и один спортклуб, а отель для приезжающих в город гостей так и остался в проекте. И пришлось Вере забронировать номер в соседнем городе, в том самом, куда она переехала подростком.

Встреча выпускников была назначена на три часа дня.

Вера прибыла в город в одиннадцать, времени на сборы было предостаточно. Она успела принять душ, уложить волосы, накраситься, одеться.

Наряд на предстоящее мероприятие Вера выбирала долго. Сначала хотела облачиться в один из своих деловых костюмов, затем в какое-нибудь коктейльное платье от именитого дизайнера, а потом, решив, что это будет слишком вычурно, надумала пойти в джинсах и футболке. В общем, перебрала кучу вариантов. Но остановилась на простых брюках и шелковой блуз-

ке, которую купила в прошлом году в Париже на распродаже. Вещь была не из последней коллекции и на вешалке смотрелась отвратительно. Вера на нее внимание обратила лишь потому, что она была ее любимого небесно-голубого цвета. Но стоило ей надеть блузку, как стало ясно — это ее вещь. Блузка так здорово сидела и так выгодно подчеркивала ее пепельно-серебристый цвет волос, что Вера ушла из магазина прямо в ней и носила все дни до отъезда. А вот вернувшись в Россию, больше не надевала. Для работы — слишком неформально, для досуга — простовато (самая обычная, не брендовая вещь, а в том обществе, где Вера вращалась, это считалось признаком дурного тона), для дома — неудобно. И вот теперь блузка пригодилась.

Вера отправилась на встречу с небольшим опозданием. Чтобы не выпендриваться, велела шоферу оставить машину не у школьного крыльца, а за забором. И правильно сделала! Ибо на школьном дворе, где когда-то проходили линейки, автомобили стояли вплотную друг к другу. «Что ж, понятно, — хмыкнула Вера. — Друг перед другом решили тачками похвалиться! То-то ни одной «копейки» или «Москвича» нет. Преимущественно иномарки, разбавленные новенькими отечественными авто...»

Среди нескольких десятков машин особенно выделялась одна: красная спортивная «Хонда». Она была не самой дорогой из всех имеющихся, но бесспорно самой эффектной. «Кажется, я знаю, кто на ней прикатил, — подумала Вера. — Стас Радугин, больше некому. Он всегда хотел быть в центре внимания, так что и теперь наверняка даже в выборе средства передви-

жения руководствуется не практичностью, а броскостью...»

Стас Радугин был одним из двух так называемых Вериных друзей. Еще он был ее первой любовью и первой ненавистью. Кроме того, еще много кем был, но Вера не желала беречь душу воспоминаниями о тех периодах своей жизни, которые были связаны со Стасом. А вот посмотреть на него хотелось. Интересно, он такой же красавчик, как раньше, или полысел, растолстел и стал злоупотреблять алкоголем? А Шура, вторая из их когда-то дружной тройцы, какой она стала?

— Привет, Чайка! — услышала Вера и обернулась.

На нее смотрел толстый, лысый, явно злоупотребляющий алкоголем мужчина в добротном костюме и при дорогих часах. Вера долго рассматривала его, но так и не узнала. Не Стас, это точно, но кто? Лощеный, богатый, самоуверенный. Одет с тем провинциальным шиком, который вызывает у столичных бизнесменов кривую улыбку, а у «уездных» барышень восхищенный вздох.

— Неужто я так изменился? — проворчал мужчина немного обиженно. — Тогда разреши представиться: Кочетов Петр Сергеевич.

— Петя? — ахнула Вера.

Она помнила Петьку кудрявым мускулистым парнем, вышибающим из ларечников мзду. В двадцать с небольшим у него было такое тело, что хоть на конкурс «Мистер Вселенная» отправляй. Тогда он всем представлялся Кочетом (такова была его кличка). Теперь же Петром Сергеевичем... Однако!

— Ты на самом деле очень изменился... — И поспешно добавила: — В лучшую сторону, — имея в виду

его образ в целом. На «братка», кем он, собственно, был в молодости, Петр сейчас совсем не походил.

— Большие бабки творят чудеса, — расплылся он в улыбке, продемонстрировав отличные керамические зубы. — Я ж теперь бизнесмен! У меня несколько заправок и автомоек. А еще я депутат городской Думы...

— Ты молодец, — похвалила его Вера, продолжая рассматривать.

Лицо Петра было гладким, холеным, а о пристрастии к алкоголю говорили только набрякшие под глазами мешки. Хотя возможно, у Петра просто не очень хорошо работают почки. Зато в остальном он выглядел прекрасно. Ни морщинок, ни шелушения кожи, ни раздражения после бритья. Было ясно, что Петр очень следит за лицом, вероятно, даже к косметологу ходит. А вот над телом работать ленится. Оно и понятно, кому охота по два часа в день железо качать? Это тебе не в салон красоты ходить, где улегся на кушеточку, а над тобой мастер колдует.

— Красную «Хонду» видела? — подал голос Кочетов и тут же хвастливо добавил: — Моя!

— Красивая, — кивнула Вера, удивившись про себя, что ошиблась в предположениях относительно машины. — Много наших пришло?

— Из тридцати человек всего двенадцать. Ты тринадцатая. — Он вытащил из кармана пачку сигарет и закурил. — Но тебя ведь конкретные люди интересуют. Или я ошибаюсь?

Вера хотела возразить, однако Петр не дал ей рта раскрыть:

— Да ладно, Верка, не оправдывайся, дураку ясно, что ты сюда только из-за Стаса прикатила.

— Не только.

— Ну и из-за Шурки еще. Кстати, она тут. Как и Радугин. Они в буфете. Пойдем, провожу...

— Нет, спасибо, я сначала по школе пройду. В буфет потом.

— Смотри, как знаешь. Только учти, торжественная часть начнется через десять минут, — предупредил Кочетов и, швырнув недокуренную сигарету в урну, вошел в здание школы.

Вера, выждав минуту, тоже двинулась к распахнутой двери.

Едва переступив порог, она натолкнулась на здорового парня в роскошном костюме. Костюм выглядел дорогим и совершенно новым. По всей видимости, он был приобретен специально «на выход».

— Верка, ты? — пробасил здоровяк, отстраняясь.

— Я, — подтвердила Вера и принялась разглядывать мужчину, пытаясь понять, кто это. На сей раз узнавание произошло быстро. — Олежка Яшин?

— Точняк! — гоготнул тот. — Надо же, узнала, а я думал, ни за что не догадаешься. Я ведь сильно изменился с того времени, как мы последний раз виделись...

Он шмыгнул носом и тут же вытер его рукавом. Жест Вера хорошо помнила. Олег с детства имел привычку вытирать вечно льющиеся из носа сопли манжетами школьного пиджака. За что его и прозвали Соплей.

Олег действительно очень изменился. В школе он был хлюпиком, которого били все кому не лень. Когда же Вера после института вернулась в родной город, Яшин служил в армии, и она его не видела. Шура рассказывала ей о том, что в старших классах Олег начал качаться и к окончанию школы набрал достаточную

массу для того, чтоб не только не падать после ударов обидчиков, но и давать им отпор. И вот теперь перед ней стоял богатырь! Только все с тем же детским, немного глуповатым лицом, по которому Вера его и узнала. Да еще, пожалуй, по хохолку на макушке. Он вечно топорщился, делая Олега похожим на попугайчика. Помнится, одно время из-за него его обзывали Какаду, и Яшин просто-таки мечтал, чтоб это прозвище приклеилось к нему навсегда. Да только Сопля оказалось более живучим.

— Как дела, Верка? — поинтересовался Олег. — Слышал, ты нынче крутая бизнес-леди...

— Да не то чтобы крутая, — улыбнулась Вера, — но жаловаться грех — у меня все в порядке.

— У меня тоже ништяк. Я в десантуре служил, а после армии сразу в ОМОН записался. В Чечню три раза ездил, на квартиру заработал, на машину. Тачку, правда, разбил — бухал я тогда сильно, но теперь в завязке. Из ОМОНа ушел. Сейчас личным охранником мэра работаю, — частил Олег. — Кстати, знаешь, кто у нас теперь мэр?

Вера покачала головой.

— Виктор Сергеевич Радугин. Батя Стаса.

— Нисколько этому не удивляюсь. Он всегда рвал-ся в высшие эшелоны местной власти.

— В отличие от сына, — хмыкнул Олег. — Отец сколько раз ему должности предлагал, но тот ни в какую.

— Чем Стас сейчас занимается?

— У него сеть компьютерных магазинов.

— Женат?

— Не-а, холостяк. Как и я. А ты замужем?

— Тоже... холостяк. — Вера усмехнулась.

Тут Олег отвлекся на какого-то горбатенького мужичка, что семенил в направлении туалета. Тот был одет в засаленную робу, а в руках держал вантуз.

— Федь, привет! — окликнул его Яшин.

Мужичок обернулся и кивнул. Сначала Олегу, потом Вере. Лицо его было хоть и морщинистое, но довольно молодое, тогда как со спины Федя казался самым настоящим стариком.

— Как дела у тебя?

— Потихоньку, — прошамкал тот в ответ. Зубов у него не было. Совсем. — Ну, пошел я... Работа!

Мужичок поковылял дальше.

— Сантехник местный? — уточнила зачем-то Вера.

— Сантехник, — выдохнул Олег, проводив Федора (который не был горбатым, просто сильно сутулился) взглядом. — А ты чего с ним не поздоровалась?

— Я же его не знаю.

— Здра-асте, не знает она... Ты ведь с ним за одной партой сколько лет сидела.

— Я до третьего класса сидела с Радугиным, а потом с Пронькиным.

— Так это он и есть.

— Стас?

— Да какой Стас? Федя. Федя Пронькин.

— Не может быть...

Вера хорошо помнила Федю Пронькина. Это был очень приятный мальчик с большими карими глазами и выгорающими добела мягкими волосами, отчего летом и осенью он был светленьким, а зимой и весной темненьким. Но в любое время года умненьким. Федя учился только на «отлично» и «хорошо», имел выдающиеся математические способности и талант к языкам. А еще он был настоящим джентльменом: на каж-

дое Восьмое марта дарил Вере, как соседке по парте, искусственный тюльпан и маленький флакончик духов «Ландыш серебристый». За все эти достоинства (особенно за умение менять масть) девочки любили Федю. Не так, конечно, как Стаса Радугина, но все же парочка поклонниц у него всегда была. И Вера не сомневалась, что если кто и устроился в жизни нормально, так это Федя, мальчик всесторонне одаренный...

— Не может быть, — еще раз повторила Вера, вспомнив морщинистое лицо повзрослевшего Пронькина, его беззубый рот, высохшее тело и старческую походку.

— В наше время все может быть, — философски изрек Олег. — Спился Федька. Да еще и срок отмотал. Недавно освободился. Почки ему в тюряге отбили и селезенку... С ногами вон тоже что-то неладное. Короче, инвалид сейчас. Третья группа. Ладно еще сантехником взяли, а то бы сдох где-нибудь под забором...

Вере стало грустно. Очень! И желание увидиться с бывшими одноклассниками, которое и так-то было слабым, исчезло без следа. Но тут из актового зала донесся голос бессменного директора школы Ромашина, и Вера, встряхнувшись, сказала Олегу:

— Кажется, начинается... Пойдем?

— Да на фиг нам торжественная часть? Айда в буфет, наши все там!

И, не слушая Вериних отговорок, Яшин сграбастал ее, обхватив плечи, и потащил в сторону буфета. У его дверей было многолюдно. Народ стоял кучками и весело общался. Среди массы незнакомых лиц Вера рассмотрела два знакомых: Петра Кочетова и... Она не сразу поняла, что за женщина рядом с ним, но что одна из ее одноклассниц, точно. Вера хорошо помнила эту

улыбку, прищур, привычку взбивать кудри кончиками пальцев. Только, кажется, и губы, и глаза, и волосы тогда были другими...

Коллаген-линзы-краска, осенило Веру. И она наконец узнала в знакомой незнакомке свою одноклассницу Катюшу Старкову — первую школьную красавицу.

— О, какие люди! — прочирикала та, завидев Веру. — Сама Чайка к нам прилетела! Навестила родное гнездо!

— Привет, — поздоровалась Вера. От нее не укрылось, с каким ревнивым вниманием Катя рассматривает ее, поэтому сразу сказала: — Отлично выглядишь!

И нисколько не погрешила против истины. Старкова действительно выглядела изумительно, стройная, высокая, ухоженная. Наверняка она до сих пор считается первой красавицей — только уже не школы, а того учреждения или фирмы, где работает. «Если она, конечно, работает, — поправила себя Вера. — Возможно, удачно вышла замуж... Или заимела богатого любовника — вещички-то на ней все дорогие, да и поддержание себя в столь прекрасной форме денег требует... А вот волосы Катя зря осветлила. Брюнеткой она мне больше нравилась...»

— Ты тоже выглядишь хорошо, — вернула комплимент Старкова. — Вся такая столичная... Ты ведь в Москве живешь?

— В Подмосковье.

— На Рублевке? — завистливо сверкнула глазами Катя.

Вера успокоила ее отрицательным ответом. Старкова тут же принялась захлеб рассказывать о своем визите на Рублевку, но Олег не дал ей закончить:

— Девчонки, хорош трещать, — пробасил он. — Пошли в буфет, а то все столики займут.

— Да там наверняка еще полно свободных, — возразила Вера.

— Это потому, что большинство народа в актовом зале. Слышишь, там торжественная часть началась. А скоро все сюда припрутся...

— Положим, не все, — хмыкнула Катя. — Я, к примеру, в VIP-кабинет приглашена...

— Куда? — удивилась Вера.

— В учительскую, — со смешком ответил Петр. — В VIP-кабинет она переименована на один день. Директор Ромашин туда всех более-менее важных персон, к коим и я отношусь, пригласил после официальной части. Точно говорю, деньги на нужды школы клянчить будет.

— И всего-то? — надула губки Старкова. — А я думала, там намечается что-то интересное. В приглательном написано: развлекательная программа и фуршет.

— Ага, споет детский хор и предложат бутерброды с икрой минтая...

Катя скривилась и, схватив Веру под руку, выпалила:

— Тогда давайте поторопимся, а то и впрямь столики займут!

И они вчетвером направились к дверям в буфет.

Катя шла торопливо, мелко цокая высоченными шпильками по каменному полу, Олежка двигался по-спортивному пружинисто, Петр выступал вальяжно, чтоб не уронить солидности, но энергично, а Вера едва ноги передвигала. Ей вдруг стало страшно! Страшно встретиться взглядом со Стасом Радугиным... Да и с Шурой... Страшно заговорить с ними и делать вид, что

они для нее — просто бывшие одноклассники. Первый был виноват перед Верой. Перед второй — виновата сама Вера. На расстоянии мириться с чувством горечи и вины было куда легче, а теперь ей предстояло проверить свою стойкость вблизи...

«Дура, зачем я приехала? — мысленно возопила Вера. — Сейчас опять разберезу душу, и прости-прощай с таким трудом обретенное спокойствие... — Паника достигла апогея. — Бежать, немедленно бежать!»

Вера выдернула свой локоть из цепких пальцев Кати и приготовилась развернуться, чтобы покинуть буфет, но было поздно — сидящие за столиком в углу Стас и Шура ее заметили.

Глава 2

1982 год

Верочка лежала в кроватке, накрытая с головой тюлевой занавеской, и разглядывала сквозь нее свою маму. То, что она видела, ей нравилось. У многих детей мамы были полными, крикливыми, с похожими кудрявыми прическами. А у Верочки — худенькая, невысокая, с крошечными ножками Золушки и тихим голосом, похожим на журчание ручейка. А еще у ее мамы была длинная толстая коса и завитушки над ушами.

— Что, моя девочка, спряталась? — улыбаясь, спросила Ульяна и направилась к Верочке, широко раскинув руки, чтобы обнять дочь.

— Мам-Уля! — Девочка выскользнула из-под занавески и прижалась своей румяной щечкой к маминому плечу.

— Когда я тебя отучу от этой дурацкой привыч-

ки? — все так же улыбаясь, спросила Ульяна и потрепала дочь по льяным волосам. — Тебе уже почти семь лет, ты прекрасно говоришь. Скажи просто «мамуля».

— Мам-Уля! — взвизгнула Верочка и нырнула под тюль.

— Обезьянка ты моя, — прошептала мама.

Верочка начала говорить очень рано и к двум годам изъяснялась довольно свободно. Поэтому к ней постоянно приставали словоохотливые бабульки. «Как тебя зовут, девочка?» — спрашивали они и совали в пухлый кулачок Верочки выуженные из карманов карамельки с прилипшей к оберткам шелухой от семечек. «Веруня», — отвечала девочка гордо. «А маму твою как звать?» — «Мам-Уля». Бабки смеялись: «Ясно, что мамуля, а имя-то у нее есть?» — «Мам-Уля», — непонимающе настаивала Верочка. И матери приходилось объяснять, что зовут ее Ульяна, мама Уля то есть. Бабульки смеялись еще радостнее и одаривали Верочку очередной конфеткой.

Ульяна засмеялась, вспоминая те времена. Дочь тогда была очень разговорчивой, общительной, компанейской, а сейчас в основном с собаками бездомными общается. Подойдет к своре, погладит каждую и начинает им о жизни своей рассказывать.

— Ты чего это зарылась, Веруня? От кого прячешься? — Ульяна пощекотала дочери пятку.

Верочка дернула ногой и прыснула:

— Я — Спящая красавица!

— Да? А занавеску зачем с окна сняла?

— Мне нужны были кружева.

— Чтобы спрятаться?

— Нет! Чтобы накрыться. Это как будто хрустальный гроб.

— И ты теперь ждешь королевича Елисея, чтобы он тебя поцеловал и ты проснулась?

— Я уже проснулась, как ты меня поцеловала, мам-Улечка! — Верочка чмокнула мать в щеку и побежала в кухню. — Сухарика хочу...

Ульяна погрустнела. Спящая красавица — надо же! Каждой женщине, даже шестилетней, хочется быть прекрасной, похоже, а для ее дочери красота так и останется несбыточной мечтой.

Веруня была на удивление непривлекательным ребенком: хрупкая, головастая, белобрысая. Именно белобрысая, а не блондинистая, так как брови и ресницы у нее были настолько бесцветны, что казалось, их и вовсе нет. Ко всему прочему у девочки были совершенно черные монгольские глаза, которые при других волосах и более смуглой коже могли бы показаться красивыми, но на бледном Верочкином лице смотрелись, как две кляксы.

Когда Ульяна увидела свою дочь впервые, то даже испугалась — уж очень она была красненькая и сморщенная. А глаза малышки, пустые и черные, вечно слезились. Потом молодую маму успокоили, заверив, что почти все новорожденные не отличаются красотой, а уж коль родительница так хороша, то и не стоит особенно беспокоиться. Что Ульяна и сделала — перестала беспокоиться. Однако время шло, а дочка не становилась краше, и женщина вновь начала волноваться по этому поводу.

— Мам-Улечка, там дядя Витя в окно стучит! — Девочка вбежала в комнату, на ходу вытирая усыпанный крошками подбородок.

Ульяна отбросила тюль и быстро прошла в кухню. Жили они на первом этаже панельной четырех-